

шедшие! В Таджикистан? Там же война..."
спрашал от всех, кому рассказывал про задуманный поход по Фан-горам.

а Комаровку. Отсыкиваю симпатичную молодую пару с уроком и ку-
ют: у них все хорошо.

Из Педжикента.

ним в Ташкент, слышим то же самое: "В Фанах спокойно..."

1 не была! Едем. Для начала — в Самарканд.

...ПЕРВОЕ, что бросается в глаза в марканде, — пусто. Пусто на пыш-
ном новом вокзале. Нет туристов на Ре-
истане. Никого у гробницы Тимура —
Гур-Эмира. Там, где недавно бродили
толпы туристов со всего мира, — нико-
го. Пусто в гостиницах. Пусто в магази-
нах. Не востребованы симпатичные и
недорогие сувениры: табетейки, ножи,
кувшинчики, чеканка, резьба. Даже ска-
зочно дешевые книги на русском языке
лежат без движения.

Ошалевшие от нашего появления
продавцы, кажется, готовы все подари-
ть нам, только бы не ушли с пустыми
руками.

...А у стен мечети Биби-Ханым шумит, как всегда, рынок — и здесь мы вы-
зываем всеобщий интерес:

— Откуда, брат?

— Из Беларуси, Минск...

— А, земляки.

Мы и в самом деле — земляки. И не-
ल्पыми кажутся таможни, границы, и
где-то близко — война.

...УЛИЦА Трудовая, 232. Частная
фирма, обслуживающая туристов, про-
горает. Гостеприимные хозяева — про-
фессиональные инструкторы туризма и
альпинизма — принимают нас, как род-
ных. Ночуем в вишневом саду в брезен-
товых палатках. Дешево и удобно.

Договариваюсь о заброске: нас ра-
но утром — в Маргусорское ущелье,
продукты на вторую половину похода —
в альплагерь Артучь. Укладываемся.
Оставляем городские вещи и все лиш-
нее. Ну, с Богом!

...РОВНО в шесть на выдавшей ви-
ды машине выезжаем. Через весь го-
род, сонный и прохладный. Мимо голу-
бых куполов Регистана.

Через час — граница. На узбекской
стороне — пост. На таджикской один за
другим — аж четыре. Пять раз повторя-
ется одно и то же: подходят к остано-
вившейся машине молодые строгие ре-
бята с АК на груди:

— Откуда? Зачем и куда едешь?

— Из Беларуси. В горы, в поход.

Тут же приветливая улыбка, любо-
пытствующий взгляд на нас:

— А, земляки... Ну, счастливо...

...УВЫ, КАЖЕТСЯ, мы проедем на-
много меньше, чем договаривались в
Самарканде. Дорога смыта, метров 50-
60 ушло под воду, в поднявшийся бешен-
ный Шинг. Но бесстрашный наш води-
тель Слава не останавливается, машина
идет прямо по воде, нас швыряет на
донных валунах: кажется, еще чуть-чуть
— и поплывем вниз.

Радость недолгая. В кишлаке Шинг
повсюду следы недавнего селя: зане-
сенные грязью дома, опрокинутая
трехтонка, грязь и камни, и безнадежно
надолго разрушенная дорога.

Все, приехали.

А отовсюду к нам несутся детишки,
спешат мужчины и женщины, бредут
старички:

— Туристы! Туристы!

Путь иду... Далеко отсюда здесь по-
несколько групп в день бывало... А тут...
Оказалось, что мы — первые за три года
в ущелье Маргусор. И уйти так просто
нам не дадут.

В "гостинице" — комнате, устан-
ной коврами расстилают дотархан, и
начинается пир с лепешками, уроком,
айраном, чаем и неспешным разгово-
ром. Нас уговаривают остаться: будет
дождь. Но мы и без того не доехали до
цели километров тридцать. К огорче-
нию гостеприимных жителей и, по-мое-
му, ребят, команду: "Под рюкзаки!"

За кишлаком переходим на левый
берег голубого Шинга и сразу начинаем
крутой подъем вверх на высокую плоти-
ну. Такой чисто голубой воды, кажется,
нет нигде. Недаром на своем пути обра-
зовал Шинг семь чудо-озер, одно кра-
сивей другого.

Долгий подъем — и вот первое, точ-
нее, ниже озеро — Нежигон.
Волшебный его цвет идет изнутри, и

не опишешь его никакими словами.

...Ливень застал врасплох. Быстро
прячемся под нависшую скалу и смот-
рим, оглушенные близким громом и
продукты невесты откуда взявшимся
холодным ветром, как летит со склона
напротив желто-серый поток камней и
грязи, как по синеве Нежигона расплы-
вается грязь, а голубой Шинг мгновенно
превращается в грязный и бешеный
поток и выплескивает пену из берегов.

Вот тебе и жаркие, сухие Фаны...

И мы опять круто идем по грязи на-
верх, с трудом удерживая накидки, и че-
рез час выходим на вторую плотину, где
между озерами Соя и Гушор в пелене
дождя и сумерек видим несколько бе-
лых домиков туристского приюта среди
деревьев сада. Кажется, пусто...

Но сквозь грохот грозы слышен лай
собаки, и нам навстречу выходит из
близнего домика паренек-таджик.
Улыбается:

— Салом алейкум! Куда идешь?

Машу рукой: мол, вперед...

— Зачем идешь? Дождь всю ночь
будет. Давай ночуй здесь.

Робко сообщаю:

— Да нас денег нет...

— Зачем деньги? Домик дам. По-
стель дам. Спи. Отдыхай. Плов будет.
Рыбу наловим — уху ешь будем. Вишня
есть. Отдыхай...

А говорят — нет чудес. Вон их
сколько.

Все так и было. Лил дождь. Гремел
гром. А мы допоздна сидели за столом,
ели плов, пили чай, под Ленину гитару
пели свои песни и слушали, как поет та-
джикские Сашмурад — наш хозяин. В
полночь ловили рыбу — маринку. И без
конца разговаривали о том, о сем, пото-
му что рад был нам Сашмурад. Он про-
сил рассказать всем, что рады туристам
здесь, в горах.

...Подходим к небольшому кишлаку
— последнему на нашем пути к перева-
лу. Здесь Слава — наш врач — делает
обезболивающий укол мальчишке с рас-
пухшей щечкой, советует, как лечить де-
вочку с нагноением, мы на ходу угоща-
емся айраном и чаем с лепешками, про-
щаемся и уходим наверх. Погода сол-
нечная, но холодно, ребята бодро идут
вперед, и все вместе решаем — перевал
берем сегодня. Предупреждаю всех:
спуск будет очень долгий.

Вид с перевала поистине велико-
лепный: утонул в тучах грозный Пушно-
ват, взметнулись под небо Чимтарга и
Энергия, тонет в глубоком ущелье река
Сарыват.

Несет прохладу голубой поток

Уже темно в ущелье Сарывата,

последний отблеск южного заката

вершины белоснежные поджег.

Они горят бездымно и неярко,

и, как вода, их заливают мгла,

и костерок, что ночь нам принесла,

в обветренные лица дышит жарко.

Ушла усталость. Песни мы поем.

И Сарыват нам вдохновенно вторит.

И ласковыми жгутся нам горы

Но как они нас вымотали днем!

ЛЕС КОНЧАЕТСЯ, а с ним — и тень.

Идем по осыпям. Впереди — живопис-
ная вершина Диямат с мощными скаль-
но-ледовыми стенами. Судя по картам
— перевал слева. Вон там, за летовками
пастухов, прижатыми к склону. Туда
еще час ходьбы, а как трудно идет Леня.
Надо дать ему отлежаться...

Остаюсь с Леней и Жанной. Осталь-
ные уходят к летовкам. Через полчаса
и мы подходим туда.

Господи! Встречают — как космо-
навтов после полета! Столько радости
на лицах людей... Долго, очень долго
пьем чай, айран, едим лепешки со све-
жим, только что сбитым маслом — рос-
кошная жизнь.

Хозяева уговаривают остаться око-
ло кишлака на ночь. В ход пускается не-
отразимый аргумент:

— Козу приведем, резать будем, ку-
шать будем.

Козу жаль, конечно. Ребята уж
очень вымотались, все равно до перева-

ла не дойдём... Остаемся!

Быстро ставим палатки. Детишки
принесут нам дрова.

Бедная коза! Ее и в самом деле при-
вели. И зарезали. И через трубочку ста-
ли надувать — шкура стала отделяться
от мяса, надулась, почти как шерстяной
мяч. И через пару часов в тени шел пир
горой.

А потом усатый приветливый тад-
жик потащил нас на "вертолетную по-
ладку". Вы, конечно, не знаете, что та-
кое "вертолет по-таджикски"? Это вби-
тый в землю заостренный кол, на кото-
рый уложено бревно с отверстием по-
средине. На один конец бревна усадили
меня, старшего гостя, за другой взялся
усатый и понесся по кругу, подпрыгивая
вверх и опускаясь с бревном вниз. При
этом я, естественно, взлетал и опускался,
тщетно пытаюсь удержаться на круг-
лом бревне. Через пару минут, под вос-
торженные крики зрителя, я уже ле-
жал на утопанной земле, а на вертоле-
те сидели две Тани, которые, оказались
не удачливой меня.

Игра продолжалась до полной тем-
ноты. А потом далеко за полночь горы
отлазились песнями, а на вертолетной
площадке танцевали мои отдохнувшие
ребята вместе с молодыми и старыми
жителями гор.

Усатый подошел ко мне и сказал:

— Давай восстановим Союз, а?

Эту фразу мы слышали потом много
раз...

...Я УЖЕ ПРОХОДИЛ Аллоудин-
ский перевал и на всю жизнь запомнил,
как захватывает дух в тот миг, когда от-
крывается внизу многоцветье Аллоудин-
ских озер. Почти религиозный восторг
охватывает. Переливы света в воде
озер — от синего до красного. Свет бьет
изнутри, как будто спрятаны там, в озе-
рах, цветные прожекторы.

Рассвет уже румянит горы,
когда впервые с высоты
нам явдот открылись, как цветы,
Аллоудинские озера.

Жаль, что отсутствуют слова,

в которых оживают краски.

Менялся синий цвет на красный,

а желтый проступал едва.

И мы внезапно онемели,

хоть много видели чудес:

казалось, радуги с небес

на эту красоту слетели.

Хотелось мне в ладони взять

Аллоудинские озера,

нести к друзьям их через горы —

и ничего не распылать.

Я знаю, что будет. Потому иду на пе-
ревал чуть позади: пусть ребятки пер-
выми увидят озера...

...ПРЯМО от Аллоудинов — по льду,
снегу, сыпучам — круто вверх. Слева —
исполосованные котьями лавин и кам-
непадов склоны, занесенные снегами.
Они и сейчас посылают в нас камни, но
мы пока далеко и стене не по зубам.

Синь неба — все гуще. Дыханье —
все рваней, все тяжелей. Срывается по
крутому снежному Люба, но не растеря-
лась — зарубилась альпенштоком, при-
тормозила и метрах в тридцати от нас
самышла на камни. Идем относительно
быстро: холодно. Высота.

...В полдень мы стоим на перевале,
а под нами и вдаль — вершины, верши-
ны, вершины — на много десятков кило-
метров. Несколько высоченных хреб-
тов. Ветер сшибает с ног. Надо идти, а
не хочется...

Только в сумерках, отпахав двенад-
цать часов, дошли до травяной полянки.
Траставили палатки, разожгли трирусы —
и за чаем поохотились, попили, вспоми-
нили, кто и на чем сползал со льда. Близ-
кие холодные звезды окружали наши
палатки, светились в лунном свете снега
на Чимтарге, легко гудели примусы...

...ПОСЛЕДНИЕ два дня мы прове-
ли на тихом прекрасном озере Большое
Алло, любуясь его синью, окружающими
вершинами. А потом ушли с гор, как
уходят домой все, оставив в горах серд-
це.

И как жаль нам, что все позади. По-
вторить бы все.

Но ничего, увы, не повторяется.
И хотя будут еще Педжикент и Са-
марканд, будут жаркие улцы Бухары и
шумные проспекты Москвы — долго-
долго снится нам всем одно и то же: на-
ши Фаны, наши реки и озера, наши
друзья...

Словом, все — как в песне Юрия
Визбора:

"Я сердце оставил
на Фанских горах..."